

DOI: 10.24411/2308-8079-2016-00002

УДК 94(37):17

ЦИЦЕРОНОВСКИЙ ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ

Брагова А.М.

Статья посвящена рассмотрению цицероновского образа правителя и его обязанностей. В работе представлен лингвистический и текстологический анализ терминов, используемых Цицероном для обозначения правителя, выделяются черты характера и душевные качества идеального правителя. Также дается обзор обязанностей идеального правителя, делаются выводы о существовании такого правителя во времена Цицерона.

Ключевые слова: Цицерон, политический, правитель, обязанность, Древний Рим, princeps, rector, tutor, gubernator, moderator.

CICERO'S CONCEPT OF A RULER

Bragova A.M.

The article presents the analysis of Cicero's concept of a ruler and his duties. The work contains a linguistic and textual examination of the terms denoting a ruler used by Cicero. Character features and qualities of an ideal ruler are also presented in the research. There is a review of duties of an ideal ruler. There are some conclusions about existence of such a ruler in Cicero's times.

Keywords: Cicero, political, ruler, duty, Ancient Rome, princeps, rector, tutor, gubernator, moderator.

Предметом статьи является анализ суждений Цицерона о правителе и его обязанностях. Отношение исследователей к вопросу о цицероновской концепции правителя до сих пор неоднозначно, поэтому проблема определения сущности данного понятия представляется актуальной. Целью исследования является лингвистический и текстологический анализ терминов, используемых Цицероном для обозначения правителя, определение черт характера и душевных качеств правителя, обзор его обязанностей, возможность появления

такого правителя во времена Цицерона. При выполнении исследования использовался метод контент-анализа для системного извлечения информации из источника, а также сравнительно-исторический метод, позволяющий судить о политических взглядах Цицерона. При работе с историографией основой служили системное обобщение и метод научной объективности в оценке противоречивых взглядов исследователей. Наследием Цицерона занимались и занимается немало исследователей (С.Л. Утченко, Г.М. Марченко, К.Я. Камалутдинов, М. Гельцер, Х. Вагенворт, Н. Вуд, Х. Хаскелл, Дж. Зареки и др.), однако в отношении вопроса о цicerоновском правителе нет единой или ведущей тенденции из-за многообразия точек зрения (о них будет сказано позже).

Итак, центральными в цicerоновской концепции идеального правителя являются вопросы о причинах, подтолкнувших Цицерона к оформлению концепции правителя, терминологии, применяемой им для обозначения правителя, о душевных качествах правителя, о его обязанностях, о возможности существования описанного мыслителем идеального правителя во времена его жизни.

Скажем несколько слов о причинах оформления Цицероном указанной концепции. Главной причиной мы считаем угрозу единоличного правления Помпея и Цезаря, нависшую над республикой в 50-40-е гг. I в. до н.э. [33, p. 82]. Положительно относясь к институту диктатуры как краткосрочному правлению в чрезвычайной ситуации, Цицерон негативно относится к долгосрочной диктатуре, к которой стремились первенствующие лица в государстве, поскольку она напоминает автократию, являясь угрозой для республики с ее относительно равномерным смещением трех элементов власти: аристократического, монархического и демократического. Основывая свои воззрения на теории упадка нравов, мыслитель призывает граждан к добродетельной жизни и верит, что в республике появится один или несколько добродетельных людей, которые выведут государство из кризиса и способствуют сохранению республики.

Проанализируем термины, употребляемые Цицероном для обозначения правителя, с целью определить содержание понятия «правитель» в его работах: *rector* (*rei publicae*), *princeps* / *principes* (*civitatis*), *tutor*, *procurator*, *gubernator*, *conservator*, *moderator*, *auctor*.

Термин *rector* используется Цицероном около десяти раз в сочинениях философской или ораторской направленности (Cic. de orat. 1.211; rep. 2.51, 5.5-6; 6.13; fin. 4.11; N. D. 2.89 и др.). Можно с уверенностью сказать, что Цицерон использует термин в политическом контексте, что не имело места до него [33, р. 5]. Указанный термин можно перевести как «правитель», «управитель», «устроитель». Им обозначается человек, который применяет свой опыт и знания (*usum et scientiam*) для выполнения государственных дел, чье усердие способствует благу государства (*utilitas rei publicae*). Именно такой человек имеет право быть управителем (*rectorem*) и творцом народных решений (*consilii publici auctorem*) (Cic. de orat. 1.211). Цицерон приводит в пример наилучших людей из римской истории: Публия Лентула, Квинта Метелла, Сципиона Африканского, Эмилия Павла, Катона Старшего, Гракха-отца, Гая Лелия, Сципиона Назику и других (Cic. de orat., 1.211; rep. 6.2, 9). На основе этого списка можно сделать вывод о том, что под термином *rector* Цицерон подразумевает аристократа с той поправкой, что этот аристократ должен, как справедливо замечает С.Л. Утченко, быть реформатором [13, с. 166]. Цицерон подчеркивает, что правление такого человека возможно именно в государстве с республиканским устройством [33, р. 8].

Несмотря на то, что Цицерон называет людей, подходящих для роли управителей в республике, некоторые из которых были современниками Цицерона и могли встать у руля государства в его время, тем не менее, в научной литературе получило распространение мнение, согласно которому понятие *rector* обозначает некий идеализированный образ, а не конкретного человека. Например, Дж. Зареки утверждает, что данное понятие представляет собой смесь идеализированных и практических качеств, поскольку, несмотря на то, что цicerоновский правитель – некий идеал, оформление такого идеала

служит практической цели – выбрать оптимальное направление движения для политика в условиях приближающегося падения республики, в том числе выбрать ориентиры для себя [33, p. 10-11].

Мы полагаем, Цицерона более всего интересовал нравственный облик магистратов в самом общем плане, возможность их нравственного улучшения, а не вопрос о том, какой конкретный человек был достоин находиться у власти. В научной литературе также ставится вопрос о том, по какой причине Цицерон пользуется новым понятием *rector* (*rei publicae*) вместо привычного римского *princeps civitatis*? Г.М. Марченко предполагает, что Цицерон это сделал в силу каких-то неизвестных нам соображений, но явно имел в виду образ *princeps civitatis*, возникший и развившийся на почве римской действительности [9, с. 14; 1, с. 184-190]. Вероятно, одним из соображений было чисто лингвистическое: попытка использовать наряду с многозначным словом *princeps* синонимы: *rector* образовано от глагола *regere* со значением «править», «управлять» и вполне подходит для обозначения правителя.

Что касается термина *princeps / principes* (*civitatis*), он также используется Цицероном в политическом контексте и переводится как «государственный политический деятель», «вдохновитель», «творец», «зачинщик», «инициатор». Однако термин имеет и другие значения, как положительные, так и отрицательные. Положительный смысл термина просматривается в таких словосочетаниях, как *princeps rogationis* (инициатор законопроекта) (Cic. pro Sest. 75), *nobilitatis vestrae princeps* (первый из ваших аристократов) (Cic. Brut. 53), *princeps sententiae* (инициатор решения) (Cic. de harusp. resp. 13. Cf. Cic. de prov. cons. 1). Отрицательное смысловое наполнение термин приобретает в словосочетаниях *princeps sceleris* (зачинщик преступления) (Cic. leg. 2.42), *princeps maleficii* (инициатор злодеяния) (Cic. pro Cluent. 106), *princeps flagitiorum* (инициатор позорных поступков) (Cic. in Verr. 5. 4).

Часто понятие *princeps* в тексте тавтологически связано с понятием *auctor*, которое можно перевести как «действующее лицо», «руководитель» (Cic. in Verr. 3. 41, 43. Cf. Cic. de orat. 1.47, 91; Cic. Brut. 253). Такая же связь

наблюдается и со словом *architectus* (основатель, создатель, распорядитель) (Cic. pro Cluent. 60).

Princeps может также означать «первый по рангу», «самый знатный», «руководитель» [30, S. 207; 1, с. 189-190]. Вероятно, понятие *princeps* у Цицерона подразумевает нравственное и интеллектуальное превосходство политического деятеля. По мнению ряда исследователей, многозначность указанного термина не позволяет дать ему конкретное определение [30, S. 6-7; 7, с. 2035]. Подтверждает нашу догадку о том, что цicerоновская концепция правителя подразумевает не конкретного человека, а нравственный облик некоего человека, стоящего у власти, мнение Х. Вагенворта о том, что цicerоновское *princeps* (civitatis) обозначает руководителя государства, сенатора, оптимата-аристократа или *vir bonus*, то есть идеального гражданина в самом широком смысле [6, с. 217].

Интересно также утверждение М. Гельцера о том, что под термином *princeps* Цицерон подразумевает либо знатного человека (*nobilis*), либо руководителя государства, либо консуляра [21, S. 37; 8, с. 57-58]. К.Я. Камалутдинов приравнивает понятие *princeps* к понятию *optimas* (оптимат) (Cic. rep. 1. 41, 43; 2. 55; pro Sestio, 97, 103, 126, 138) [7, с. 22; 22, S. 6], что вполне правомерно, поскольку те аристократы, список которых Цицерон дает в своих сочинениях, суть оптиматы. О том, что *princeps* – это оптимат, можно прочесть не только в диалоге «О государстве» и речи «За Сестия», которые указаны исследователем. Так, в речи «О консульских провинциях» Цицерон утверждает, что сословие оптиматов (*ordo*) является руководителем (*princeps*) и творцом (*auctor*) общественного мнения (*consilii publici*) (Cic. de prov. cons. 25), что в государстве никогда не может стать главным тот, кто предпочел быть популяром (*nemo umquam hic potuit esse princeps, qui maluerit esse popularis*) (Cic. de prov. cons. 38).

Таким образом, вывод о происхождении цicerоновского *princeps* из среды оптиматов правдоподобен, поскольку почти все *principes* облечены консульской властью и происходят из знатных семей (Cic. phil. 8. 22; 14.7, 17),

имеют заслуги перед государством и древнее знатное происхождение (Cic. in Verr. 3.55), добродетельны (Cic. pro Sestio, 98), знают законы (Cic. in Pison.30), пользуются почетом (Cic. off. 3.4). Цицерон называет таких людей *gravissimi et sapientissimi cives* (Cic. pro Balbo, 54) [8, с. 57; 1, с. 179-195].

Цицерон пользуется другими, менее употребительными терминами для обозначения правителя. Он пишет, что таким тиранам, как Тарквиний Гордый, должен быть противопоставлен другой, хороший и мудрый и сведущий в вопросах пользы и достоинства граждан (*peritus utilitatis dignitatisque civilis*), как бы защитник (*tutor*) и управитель государства (*procurator rei publicae*), ибо пусть так называется всякий, кто будет руководителем (*rector*) и рулевым гражданского общества (*gubernator civitatis*) (Cic. rep. 2.51).

В этом отрывке используются пары терминов *tutor et procurator* и *rector et gubernator*, смысл которых сводится к тому, что у кормила государства должны стоять люди самые лучшие, самые сведущие в вопросах государственного управления.

Термин *gubernator* встречается как в диалоге «О государстве» (Cic. rep.1.62, 5.5), так и в переписке Цицерона с Аттиком. В обоих случаях Цицерон сравнивает государственных мужей (*sapientissimis viris*) с лучшими кормчими (*gubernatores optimi*) (Cic. ad Att.1.1.5). Также в переписке с Аттиком (Cic. ad Att. 8.11.1) мы находим похожую мысль о том, что хороший правитель подобен кормчему корабля: для правителя (*moderator rei publicae*) так же важна счастливая жизнь граждан (*beata civium vita*), как для кормчего (*gubernatori*) – благоприятный путь (*cursus secundus*). В письме Гаю Куриону Цицерон сравнивает своего друга с вождем и руководителем (*dux et auctor*) тех ветров, для которых он мог бы быть неким управляющим (*moderator quidem*), то есть держать их в повиновении, а также он мог бы быть для ветров как бы кормчим (*quasi gubernator*) (Cic. ad. fam. 2.6.4). По-видимому, с ветрами в данном случае Цицерон сравнивает трудности государственной службы. В письме Аппию Клавдию Пульхру Цицерон называет своего товарища, а также их общих друзей, Помпея и Брута, защитниками государства (*tutores*) (Cic. ad fam. 3.11.3).

Другой термин, *conservator* (охранитель), употребляется Цицероном значительно реже остальных. Так, в диалоге «О государстве» Цицерон, рассуждая о защите государства (*ad tutandam rem publicam*), упоминает правителей и охранителей (*rectores et conservatores*), которые сберегли отечество (*qui patriam conservaverint*) (Cic. *rep.* 6.13).

Итак, проанализировав употребление цicerоновских терминов, используемых для обозначения понятия «правитель», можно сделать вывод, что Цицерон чаще других использует понятие *princeps / principes* в силу римской традиции, вводит новое политическое понятие *rector* и довольно редко пользуется другими терминами (*tutor, procurator, gubernator, conservator, moderator, auctor*).

Далее рассмотрим черты характера и душевные качества правителя: они формулируются Цицероном на основе стоической концепции о нравственно-прекрасном (*honestum*), которое состоит в следовании добродетелям (*virtutes*) – познанию истины (*cognitio*), справедливости и благодеянию как двуединой добродетели (*justitia et beneficentia*), величию духа (*magnitudo animi*) и умеренности (*temperantia et modestia*) (Cic. *off.* 1.15-20, 61-66, 75, 93-95).

Правитель должен быть благоразумен (*prudens*) (Cic. *rep.* 2.67. Cf. Cic. *rep.* 5.3-5; 6.1, 16, 29), должен быть готов постоянно учиться (*ut numquam a se ipso instituendo contemplandoque discedat*) (Cic. *rep.* 2.69. Cf. Cic. *pro Flac.* 62), то есть следовать добродетели познания (*cognitio, perspicentia veri sollertiaque, sapientia, prudentia, indagatio atque inventio veri*) (Cic. *off.* 1.15). В отличие от стоиков Цицерон не считает познание истины главной добродетелью: для правителя важнее быть справедливым и благодетельным по отношению к римским гражданам (Cic. *off.* 1.19).

О справедливости Цицерон рассуждает очень много. Так, он пишет, что люди рождены ради служения другим людям (*hominum causa*), чтобы они могли приносить пользу друг другу (*ut ipsi inter se aliis alii prodesse possent*), служить общей пользе (*communes utilitates in medium adferre*), скреплять человеческое сообщество нравственной чистотой, делами, способностями (*tum artibus, tum*

opera, tum facultatibus devincire hominum inter homines societatem) (Cic. off. 1.22. Cf.: Cic. ad Att. 8.11.1; rep. 1.3; 2.51, 70; 5.5; 6.29; pro Sest. 23, 139, 143; de orat. 1.211).

Еще одно качество государственного мужа – величие духа (*magnitudo animi*) – состоит в способности быть мужественным и храбрым (*fortes et magnanimi*) (Cic. off. 1.65) [5, с. 33]. Правитель также должен проявлять во всем умеренность (*temperantia*), то есть избегать сильных эмоций, например, гнева (*iracundia*), поскольку руководителям государства следует быть подобными законам (*legum similes sint*), которые приводят к наказанию не с помощью гнева, а согласно справедливости (*quae ad puniendum non iracundia, sed aequitate ducuntur*) (Cic. off. 1.89) [2, с. 16]. При таком условии правителю гарантировано доверие и уважение сограждан, а также успешное лидерство (Cic. off. 2.76).

Еще одним важным качеством правителя является доброжелательность (*benevolentia*), которая опирается на доверие и уважение подвластных людей, а потому и является самым эффективным средством сохранить власть. Доброжелательности Цицерон противопоставляет устрашение граждан, манипулирование их страхами (Cic. off. 2.23) [3, с. 10].

Кроме указанных добродетелей Цицерон придает значение такой черте правителя, как религиозность, поскольку религия является фундаментом, необходимым для гармоничного и жизнеспособного государства, и важным способом влияния на общественное мнение. Через вероисповедание гражданин развивает острое чувство стыда, которое является более эффективной основой для послушания законам, чем страх (Cic. rep. 2.69. Cf. Cic. rep. 5.6) [32, р. 176-179].

Наконец, для управителя республикой необходимы ораторские способности, поскольку в государстве первым среди государственных дел в мирное время всегда было красноречие (*in re publica... primas eloquentia tenuerit semper urbanis pacatisque rebus*) (Cic. orat. 141). Как правильно пишет Н.Ф. Дератани, в сочинениях Цицерона ораторское искусство представлено как мощная сила, способная спасти гибнущую римскую республику, поэтому

правителю-реформатору совершенно необходимо овладеть ораторским искусством [6, с. 70]. Еще одна сила, не связанная с качествами государственного деятеля, но очень ему нужная – это удача. Без благословения судьбы ни сам государственный муж, ни его поступки не будут оценены по достоинству (Cic. pro Mur. 22-24. Cf. Cic. pro leg. Man. 41, 47-48; Cic. ad Q.fr. 1.1).

Из указанных качеств и добродетелей Цицероновского управителя республикой вытекают определенные обязанности. Из добродетели «справедливость и благодеяние» происходит обязанность управителя быть патроном для граждан, заботиться о пользе людей (*consulens utilitate hominum*) (Cic. off. 3.31. Cf. Cic. pro Mur. 23).

О таком охраняющем господстве пишет Х.Д. Мейер, считая, что в воззрениях Цицерона покровительство (*patrocinium*) ставится даже выше самой власти (*imperium*). Покровительство и власть соотносятся как право (*ius*) и сила (*vis*). Поэтому покровительство становится выражением идеальной власти, связанной со справедливостью, благодеянием, благоразумием, величием духа, умеренностью, то есть составляющими *virtus* [28, S. 239]. Добродетельные люди благодаря своим добродетелям в состоянии управлять государством, благодаря своему авторитету (*auctoritas*) могут оказывать влияние на народ [24, S. 348-366; 27, S. 245; 20; 16, с. 43-50]. Х. Хаскелл справедливо уточняет, что в случае политического кризиса авторитета может оказаться недостаточно для сохранения государства: кроме авторитета необходима реальная власть в руках того, кто обладает авторитетом. Тем не менее, исследователь считает, что авторитет является основанием для наделения правителя чрезвычайными полномочиями, например, полномочиями диктатора (Cic. rep. 1.63): такой лидер должен иметь авторитет для того, чтобы все подчинялись его решению [23, p. 207].

Другие исследователи также придают большое значение авторитету первенствующих людей. По мнению Г. М. Марченко, авторитет (*auctoritas*) в Цицероновские времена был выражением превосходства государственного

деятеля, основанного как на социальном положении, так и на его личных качествах (Cic. off. 1.79; rep. 2.15, 56, 59, 61; leg. 2.52, 3.27, 28, 39) [9, с. 8].

Действительно, понятие *auctoritas* было характеристикой лучших людей, оптиматов, аристократического элемента в республиканском государственном устройстве. Авторитетом обладали как люди с древним происхождением, так и новые люди (*homines novi*), каких во времена Цицерона было немало (сам Цицерон был провинциалом, добившимся наивысшей магистратуры – консулата).

Здесь важна мысль Цицерона о том, что, каким бы образом ни был достигнут авторитет, он является важным качеством хорошего управителя государства. Обязанность управителя быть патроном для граждан перекликается с мыслью Цицерона об управлении государством как об опеке: ведь как опека (*tutela*), так и забота о государстве (*procuratio rei publicae*) должны быть направлены на пользу тех, кто поручен (*qui commissi sunt*) [управителям], а не пользе тех, кому оно поручено (*quibus commissa est*) (Cic. off. 1.85).

По поводу сравнения управления государством с понятием *tutela* Н. Вуд замечает, что, говоря о правителе, Цицерон, очевидно, имеет в виду обязанность правителя служить римским гражданам, находящимся под его опекой. Исследователь приходит к правомерному выводу о том, что государственный муж в понимании Цицерона – это опекун, наделенный функцией отца семейства [32, р. 134-135; 26, р. 92; 19, р. 113-116; 15, с. 129-136]. Действительно, понятие *tutela* и однокоренное с ним слово *tutor* неоднократно встречаются в работах Цицерона для обозначения идеального правителя. В диалоге «О государстве» (Cic. rep. 2.51) Цицерон противопоставляет Тарквиния Гордого хорошему, мудрому правителю, как бы опекуну и управителю государства (*quasi tutor et procurator rei publicae*). В сочинении «Об ораторе» (Cic. de orat., 3.3) Цицерон высказывается о консуле как о хорошем родителе или верном опекуне (*quasi parens bonus aut tutor fidelis*).

Основой отношений правителя и его подданных является доверие (*fides*) (Cic. off. 3.70. Cf. Cic. off. 1.23; leg. 2.28; pro Rosc. 111-115; Pro Mur. 70-77; amic. 19, 52, 65, 88; pro Sest. 98). В связи с понятием *fides* некоторые авторы отмечают, что его использование в качестве характеристики правителя напоминает обычные опекунские узы между патроном и клиентом. Патрон обладает доверием своих клиентов так же, как магистрат – доверием граждан, находящихся под его опекой. В обмен на защиту со стороны магистрата граждане обязуются поддерживать его и служить ему. Любое нарушение доверия угрожает подорвать целостность общества [32, p. 136].

Мы согласны с исследователями в вопросе о том, что идеальный правитель мыслится Цицероном как опекун своих подданных. Употребление терминов *tutor* (Cic. rep. 2.51; de orat. 3.3; topica, 42), *tutela* (Cic. off. 1.85; pro Sestio, 64) и *fides* (Cic. off. 1.23; 2.33; 3.111; de orat. 2.192, 343; 3.168, 197; rep. 1.2; 2.26; 3.28; parad. stoic.16; pro Sest. 68, 98) применительно к отношениям правителя и граждан подтверждает эту мысль. В связи с вопросом об опеке и покровительстве правителя по отношению к подчиненным нам также кажется интересной мысль Р.С. Конвея, который замечает, что Цицерон подразумевал покровительство не только по отношению к римским гражданам, но и по отношению ко всем союзникам, всем народам ойкумены, так как для римлян они были потенциальными подданными или гражданами (Cic. rep. 5.12. Cf. Cic. off. 2.28).

Из этого положения, высказываемого Цицероном, можно сделать вывод о том, что римское государство проводило политику протектората по отношению к покоренным народам (*patrocinium orbis terrae*) (Cic. off. 2.27) [18, p. 32-33, 219-222]. В данной мысли, вероятнее всего, заложена идея романоцентризма [14, с. 108], и Цицерон, следуя римской традиции возвеличивать все римское, приписывает своему правителю обязанность покровительствовать покоренным народам.

Еще одной важной обязанностью цицероновского государственного мужа является стремление избегать гражданских войн [10, с. 51; 12, с. 54]. Цицерон

пишет, что виновников гражданских войн и причин для них всегда будет хватать (*nes ... umquam bellorum civilium semen et causa deerit*) (Cic. off. 2.29), а главной причиной гражданских войн считает стремление отдельных людей к единоличной власти. Так, Цицерон вспоминает о противостоянии Помпея и Цезаря, осуждая Цезаря за развязывание гражданской войны, отзываясь о ней как о зле и называя одну сторону конфликта преступной (Цезаря и его сторонников), а другую – неудачливой (сенат и Помпея) (Cic. off. 2.45).

Исследователи по-разному трактуют вопрос об отношении Цицерона к гражданским войнам. Так, А.А. Мотус высказывает мнение, что, хотя в целом отношение Цицерона было отрицательным, однако он сам способствовал возникновению гражданских войн тем, что во времена консульства казнил катилинариев, что помогал подавлять движение Клодия, что активно участвовал в борьбе между Помпеем и Цезарем, являясь вдохновителем убийства Цезаря [11, с. 37-40]. Мы не можем согласиться с таким радикальным мнением, поскольку все упомянутые события из политической жизни Цицерона, напротив, свидетельствуют об обратном: и действия катилинариев, и противостояние Помпея и Цезаря были угрозой для республики, расшатывали сложившееся в государстве равновесие политических сил, потому Цицероном были предприняты попытки сохранить республику как наилучшую форму правления. Будучи пацифистом по натуре, Цицерон, напротив, не был готов радикально решать политические конфликты [1, с. 188-189]. Согласимся с С.С. Деминой, что отношение Цицерона к войне как к социально-политическому явлению было крайне негативным [4, с. 37].

В связи с исследованием цицероновского образа правителя интересен вопрос о том, мог ли найтись такой правитель во времена Цицерона? По нашему мнению, такого человека не нашлось по ряду причин. По-видимому, данный идеал был очень отстранен от трудностей практической политики. Если рассматривать его в свете реального состояния римской политики в годы, предшествующие гражданской войне, он может быть описан как утопия [25, р. 205]. Концепция была теоретической и невыполнимой на практике [14,

с. 207]. Тем не менее, есть определенная вероятность, что образ правителя, предложенный в сочинениях мыслителя, повлиял на нравственный облик правителей последующих веков, являясь нравственным идеалом человека убежденного, готового на жертву и служение, истинно общественно-воспитанного и гуманного, в котором римляне времен Цицерона узнавали свое будущее лучшее Я [17, S. 238].

Таким образом, цicerоновский правитель был скорее идеалом, чем определенной программой действий [29, p. 16; 25, p. 205; 31, S. 428]. Также есть мнение, что данный образ был создан Цицероном для самого себя, был моделью для его собственного поведения и дальнейших политических изысканий [33, p. 4]. Такое мнение не лишено оснований, поскольку Цицерон был действующим политиком и вполне мог бы в силу своего авторитета направлять политические решения своего времени в нужное русло. Однако, как показала практика, время Цицерона-политика безвозвратно ушло, на политическую арену пришли другие люди – Цезарь, а позже – Марк Антоний, и все, что оставалось делать Цицерону – это пытаться вразумить амбициозных политиков на страницах своих этико-политических сочинений.

Таким образом, цicerоновский правитель представляет собой наилучшего человека из среды аристократов, который благодаря своим исключительным качествам способен, по убеждению Цицерона, вывести римскую республику из кризиса. Тем не менее, такой высоконравственный политик не нашелся, и, пройдя через смуту гражданских войн, римское государство претерпело необратимые трансформации в сторону единоличного правления.

Список литературы:

1. Брагова А.М. Марк Туллий Цицерон об идеальном гражданине и государстве: дис. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.03 – всеобщая история (древний мир). Нижний Новгород, 2005. 257 с.

2. Демина С.С. Гнев и политико-правовая жизнь римского общества в представлениях Цицерона // Историческая психология государственного управления. 2015. № 2. С. 14-20.

3. Демина С.С. Представления Цицерона и Саллюстия о страхе и его влиянии на гражданское поведение // Человек прошлого: модели сознания и поведения: Сборник статей / Отв. ред. С.С. Демина. Владимир: ВГГУ, 2011. С. 4-19.

4. Демина С.С. Представления Цицерона о войне // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. Том 4. Вып. 4 (50). С. 33-38.

5. Демина С.С. Представления Цицерона о храбрости // Гуманитарные науки в XXI веке: Материалы XVIII Международной научно-практической конференции (10.02.2014). М.: Изд-во «Спутник+», 2014. С. 31-34.

6. Дератани Н.Ф. К вопросу об исторической обусловленности образа оратора у Цицерона // Цицерон. Сборник статей. М., 1959. С. 55-71.

7. Камалутдинов К.Я. Цицерон о роли и месте *princeps* в политической теории римского общества (по материалам трактата «О государстве») // Античный мир и археология. 1986. №5. С. 19-29.

8. Марченко Г.М. Античная традиция о *principes civitatis* // Вестник Ленинградского Университета. Вып. 3. № 14. Ленинград, 1974. С. 56-62.

9. Марченко Г.М. *Principes civitatis* в политических взглядах Цицерона: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1980. 21с.

10. Машкин Н.А. Принципат Августа. М.-Л., 1949. 688с.

11. Мотус А.А. Цицерон и Саллюстий в их отношении к гражданским войнам Древнего Рима (I в. до н.э.). // Античный мир и археология. 1983. № 5. С. 37-40.

12. Ростовцев М.И. Рождение римской империи. Петроград, 1918. 146 с.

13. Утченко С.Л. Политико-философские трактаты Цицерона // М.Т. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966. С. 153-174.

14. Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977. 256 с.

15. Чеканова Н.В. Трансформация представлений о публичной власти и ее носителях в Риме в эпоху гражданских войн // *Античное общество 4: Власть и общество в античности* (материалы научной конференции 5-7 марта 2001г). СПб, 2001. С. 129-136.
16. Balsdon J. *Auctoritas, Dignitas, Otium* // *Classical Quarterly*. Vol. 10, 1960. P. 43-50.
17. Büchner K. *Cicero: Bestand und Wandel seiner geistigen Welt*. Heidelberg, 1964. 542 S.
18. Conway R.S. *Makers of Europe*. Cambridge, 1931. 280 p.
19. Crook J. *Law and Life of Rome*. New York, 1967. 349 p.
20. Fürst F. *Die Bedeutung der «auctoritas» im privaten und öffentlichen Leben der römischen Republik*. Marburg, 1934. 77 S.
21. Gelzer M. *Regimentsfähigkeit und Nobilität der römischen Republik*. Leipzig, 1912. 118 S.
22. Gwosdz A. *Der Begriff römischer Princeps*. Breslau, 1933. 96 S.
23. Haskell H.J. *This was Cicero. Modern Politics in a Roman Toga*. New York, 1942. 406 p.
24. Heinze R. *Auctoritas* // *Hermes*. Bd. LX, 1925. S. 348-366.
25. Krarup P. *Rector Rei Publicae*. Copenhagen: Gyldendal, 1956. 211 p.
26. Lacey W.K. *Cicero and the End of the Roman Republic*. London, 1978. 184 p.
27. Meyer Ed. *Römischer Staat und Staatsgedanke*. Zürich, 1948. 466 S.
28. Meyer H.D. *Cicero und das Reich*. Köln, 1957. 262 S.
29. Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford, 1936. 568 p.
30. Wagenvoort H. *Princeps* // *Philologus*. Bd. XCI, 1936. S. 207-217.
31. Wilamowitz-Möllendorf U.v. *Der Glaube der Hellenen*. Bd. II. Berlin, 1932. 620 S.
32. Wood N. *Cicero's Social and Political Thought*. California, 1988. 288 p.
33. Zarecki J. *Cicero's Ideal Statesman in Theory and Practice*. New York: Bloomsbury, 2014. 213 p.

Сведения об авторе:

Брагова Арина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, регионоведения и журналистики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия)

Data about the author:

Bragova Arina Mikhailovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History, Regional Studies and Journalism Department, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia).

E-mail: arbra@mail.ru.